

И. И. Земцовский (Беркли, США)
Парадокс Б. Н. Путилова и природа фольклора

I. I. Zemtsovskiy (Berkeley, USA)
B. N. Putilov's paradox and the nature of folklore

Аннотация

Фольклористу не обойти вопрос о природе фольклора. Не исключено, что анонимность, коллективность, вариантность и другие его характеристики, ставшие пассивно стандартными, вольно или невольно заслоняли исследовательский интерес к творческой личности в традиции. Фольклор, как и язык, представлялся в основном безличным. Моя попытка 1970-х гг. разбить эту линейную «наборность» признаков и предложить взамен систему их коррелятивных пар, включая такую фундаментальную, как «коллективность-индивидуальность», не была широко подхвачена.

Как известно, Б. Н. Путилов, будучи страстным и последовательным приверженцем типологического метода, в то же время – автор исследования «Мастерство былинного певца» и монографии «Эпическое сказительство». Развитие «русской школы» с ее исключительным вниманием к сказителю и сказительству парадоксально сочеталось у Б. Н. Путилова с признанием того, что фольклор способен на самотворчество, на самоорганизацию и потому как бы не нуждается в человеке, но «без человека ему этого не сделать».

Ключевые слова: природа фольклора, теория фольклора, коммуникативная функция фольклора, адресованность

Abstract

The folklorist cannot avoid the question of the nature of folklore. It is possible that anonymity, collectivity, variance and other characteristics of it, which have become passively standard, voluntarily or involuntarily overshadowed the research interest in the creative personality in the tradition. Folklore, like language, appeared to be largely impersonal. My attempt in the 1970s to break up this linear “set” of features and propose instead of them a system of their correlative pairs, including such a fundamental one as “collectivity-individuality”, was not widely adopted.

As it is known, B. N. Putilov, being a passionate and consistent adherent of the typological method, is at the same time the author of the study “The Art of an Epic Singer” and the monograph “Epic Telling”. The development of the “Russian school” with its exceptional attention to a teller and telling was paradoxically combined by B. N. Putilov

with the recognition that folklore is capable of self-creation, self-organization and therefore does not need a person, but “without a person it cannot do this”.

Keywords: *nature of folklore, theory of folklore, communicative function of folklore, addressing*

Российской фольклористике последней трети XIX – начала XX в. принадлежит парадигмальный акцент на роли личности в устной традиции, на значении незаурядного творца-исполнителя – сказочника, сказителя, плачеи-причитальщицы, певца (или песнехорки, как трогательно говорят на Псковщине) и других мастеров в жизни традиционного фольклора¹. Имея это в виду, я готов даже предложить парафразу известного евангельского афоризма: «*не человек для фольклора, а фольклор для человека*», т. е. в системе ‘человек – фольклор’ функции человека переоценить трудно. И Б. Н. Путилов, автор не только известной статьи о мастерстве былинного певца (1966), но и книги «Эпическое сказительство» (1997), а также ответственный редактор русского издания эпохальной монографии Альберта Лорда «Сказитель» (1994), отлично сознавал это.

Понятно, однако, что данный акцент не охватывает всего своеобразия фольклора как искусства. Не могу не поделиться другим афоризмом, услышанным мною во время экспедиции в Пышугском районе Костромской области летом 1959 г. Уловив мое огорчение от того, что тамошние певцы не знали песен, поиском которых я тогда занимался, один из местных знатоков фольклора, которого я бы отнес к категории философов-самородков устной традиции, сказал мне: «Не огорчайся, сынок, песня не спит. Не здесь, так в других деревнях ее поют – ведь песня не спит, она живая...». Эта чеканная формула (*песня не спит*) потрясла меня: мой собеседник говорил о песне как о самостоятельном живом существе, будто не нуждающемся в конкретном человеке – вдумайтесь: не певец, а именно *песня* не спит! Получалось, что песня как таковая существует всегда, независимо от ее реального звучания здесь-и-сейчас, независимо от разнообразия ее актуальных вариантов и исполнительских версий. Иначе говоря, *существует равно актуально и латентно*. Меня взволновала тогда не очевидная соотношенность этого утверждения с известной концепцией *estado latente*, «скрытого существования» Рамона Менендеса Пидаля², а представление о самостоятельно живущей песне.

¹ Подробнее см.: 1) Чистов К. В. Проблема исполнителя в русской фольклористике XIX–XX вв. // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 144–154; 2) Мастер в народной художественной культуре Русского Севера (вступительное слово) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Международной научной конференции «Рябинские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 7–15; 3) Личность в фольклоре: Исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сборник научных статей. М., 2008; Иванова Т. Г. История русской фольклористики. XX век. 1900 – первая половина 1941. СПб., 2009. С. 186–192 (Глава 6: «Русская школа»: изучение индивидуальности сказителя).

² Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961. С. 102–106.

Для того чтобы перевести эту формулу деревенского философа на язык современной фольклористики, я бы воспользовался словами Б. Н. Путилова из его письма ко мне (сентября 1997 г.): «В последнее время на лекциях я в полуплутовской форме говорю, что фольклорное творчество совершается независимо от человека и могло бы без него обходиться, но у него просто нет другого “орудия” восприятия и хранения, кроме человека»³.

Вот это столкновение феноменов, которые я для краткости обозначил сейчас двумя афоризмами (о человеке в фольклоре и о никогда не спящей песне), и образует то, что я называю «парадоксом Путилова». Исследовательский акцент на личности в фольклоре действительно парадоксально сочетается с утверждением о способности фольклора на самотворчество без человека.

Как известно, Путилов нашел себя в обоих направлениях фольклористики – и в изучении творческой индивидуальности исполнителя, и в исследовании законов, от личности исполнителя независимых. Причем столкновение личного начала и коренных законов эпического творчества убедительно отмечалось Путиловым на анализе и конкретного материала – скажем, феномена вариативности⁴.

Действительно, законы творческого порождения в фольклоре и человек – творец-интерпретатор существуют в традиции как бы сами по себе, не ведая друг о друге. Они, казалось бы, несопоставимы, хотя существуют, безусловно, благодаря природе фольклора, исходят из нее. Так в чем же, спрашивается, она?

Мой первый опыт определения этой природы датируется 1970-ми гг.⁵ Я и сегодня не отказываюсь от предложенной тогда планетарной системы взаимосвязанных коррелятивных пар признаков фольклора (илл. 1). И хотя ее (в то время) не подхватили коллеги, я уверен: она не устарела. Однако для целей настоящей статьи она не подходит. Каковы же мои сегодняшние цели?

Я задался целью не только концептуально примирить парадоксальные крайности фольклористики, но и показать, как изучение творческой личности может углубить наши представления о природе фольклора. Тем самым я как бы возвращаюсь к концепции «Русской школы», но с иной задачей – не для того, чтобы лучше понять, скажем, сказительство, но для того, чтобы глубже понять самую природу фольклора. Такое переосмысление «Русской школы» прежде всего предполагает осознание того, что именно объединяет творца и его творение, причем объединяет непременно изнутри – т. е. *отприродно*.

³ Земцовский И. И. Героический эпос жизни и творчества Бориса Николаевича Путилова. СПб., 2005. С. 86–87. Ср. соответствующий фрагмент из его лекций: «Фольклор, вообще говоря, обладает огромной способностью к самоорганизации. Иногда для того, чтобы уж совсем раздражить своих оппонентов, я говорю: знаете, фольклор сам способен себя порождать, но человек ему нужен... как бы это сказать, – без человека ему этого не сделать. Фольклор способен на *самотворчество*» (Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. Лекции. СПб., 2006. С. 23. Курсив мой. – И. З.).

⁴ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 149.

⁵ См.: Земцовский И. И. Народная музыка и современность: К проблеме определения фольклора // Современность и фольклор. М., 1977. С. 28–75 (воспроизводимую схему см. на с. 56–57).

Фундаментальные признаки, взятые мною за основу в 1970-е гг. (такие как стабильность – мобильность, коллективность – индивидуальность, диалектность – наддиалектность и др.), хотя и по-новому соотносимые, все же были, как мне сейчас представляется, очевидными, и как бы накладывались на фольклор, обозреваемый словно со стороны. Для новых же целей требуется переосмысление всего исследовательского аппарата и, главное, замена **центрального ядра** планетарной системы признаков, преимущественно *неочевидных*. Теперь вместо безличной традиции вся схема должна вращаться вокруг личности творца, хоть и безымянного. И все, что характеризует эту творческую личность, должно браться нами, повторяю, исключительно изнутри – в данном случае, *изнутри ее (личности) собственной креативности*: мышления, памяти, воображения, восприятия, работы внутреннего слуха, врожденных и приобретенных предпочтений, органичных для нее навыков самореализации и т. д. и т. п.

Короче, необходима разработка иной концепции личности – принципиально безымянной, но безусловно творчески одаренной, и взятой при этом непременно в момент ее художественной самореализации – т. е. в процессе творчества – исполнительства – восприятия⁶. Продумывая эту концепцию на музыкальном материале, я назвал ее, соответственно, **антропологией музыкального существования (АМС)**.

В аспекте АМС я выделяю девять неочевидных, *невидимых* свойств, девять неперенных признаков музицирующей личности. Среди них такие, прямо скажем, необычные характеристики, как, например, «услышать самого себя», «стать выше самого себя» и др. Рассмотрение всех девяти – задача монографии, над которой я работаю. Сегодня мне важно подчеркнуть одно: все девять имеют своим центром исключительно человека, и лишь один из девяти признаков, который всецело характеризует собой фольклор и которому посвящена моя статья, касается *трех* уровней – не только человека, но и художественного текста, и тех законов, по которым он создается.

Что же это за уникальное качество, охватывающее одновременно три столь контрастных уровня рассмотрения личности, взятой в момент творчества? Отвечаю односложно: **адресованность**. Точнее, **адресованности** – они существуют *всегда* во множественном числе: адресуется сам исполнитель – творец, адресуются порождающие модели его творчества, адресуются его художественные тексты. Но адресуются все по-разному. Признание *тотальности* адресованностей включает в себя и признание их принципиальной разнохарактерности, разнокачественности. Обратим особое внимание на тот факт, что только человек

⁶ Замечу: это не «Я-Традиция», однажды введенная мною наряду с «Ф-Традицией», т. е. наряду с фольклором. Тогда имелась в виду скорее Личность с большой буквы, Личность гигантов-творцов, которые не могут быть приравнены к каждой безымянной личности, присущей «Ф-Традиции». (См.: *Земцовский И. И.*: 1) Существует ли изоморфизм традиций? Художник и народ: Новый взгляд на старую проблему // Арт (Лад). 2008. № 3. С. 124–137; 2) Волшебная скрипка Шагала // Музыкальная академия. 2015. № 3. С. 34–40).

адресуется *реально коммуникативно* разным адресатам, законы же творчества, порождающие модели и произведения, как таковые в очевидной коммуникации не нуждаются.

В коммуникации не нуждаются, но адресованность остается. Приходится, очевидно, признать существование феномена особого рода – *некоммуникативной адресованности*.

Наличие некоммуникативной адресованности поражает. Если не ошибаюсь, этот феномен не стал еще предметом научных изысканий. Что же это за некоммуникативные адресованности?

Некоммуникативность не равна безадресованности – художественная коммуникация *всегда* так или иначе адресована – в настоящее, в будущее, даже в прошлое и, если угодно, в универсум, в вечность. **Чтобы полноценно существовать, фольклор нуждается во всех своих адресованностях** – очевидных и неочевидных, физических и метафизических, коммуникативных и некоммуникативных. Но *некоммуникативная адресованность (и только она!) независима от адресатов и не рассчитана на ответ*. Это прежде всего самоадресованность – **самоадресованность** фольклорного текста как художественного целого, самоценность художественной формы как *цели самой себя*.

Именно этой некоммуникативной адресованности я и дал (в книге) латинское название **finis sui** (буквально, *цель самоё себя*). Признание его как базовой, отприродной, неотъемлемой от фольклора адресованности – ключ к парадоксу Путилова. Он же – ключ к объяснению природы фольклора.

Тезис Б. Н. Путилова – «фольклор сам способен себя породить, не нуждаясь в человеке» – может быть прочитан теперь как «фольклор (значительной частью своего существования) не нуждается в коммуникативной адресованности, удовлетворяясь *некоммуникативной*»⁷.

Если бы все адресаты искусства были известны и находились в очевидном диалоговом (коммуникативном) режиме с самим искусством как источником адресованностей, *то искусство было бы излишним*. Прозрачное, открытое, однозначное послание – не из мира искусства. Подлинное искусство способно донести свою правду, не раскрывая ее до конца, обходя очевидности. Тайна, недосказанность, расчет на активность восприятия, на сотворчество – неотъемлемая часть художественной истины. «Понимание – цель науки, а непонимание – цель художественности. В художественности дна нет, как в открытом космосе» (Ф. Горенштейн).

С улыбкой отмеченный Путиловым парадокс исчезновения человека – не шутка. На уровне законов человек действительно исчезает. И только феномен адресованностей, будучи неотъемлемым признаком живого, примиряет человека-творца с таинственной мощью безличного творчества.

⁷ Вспоминается Б. Л. Пастернак: «В искусстве человек смолкает и заговаривает образ <...> Его [искусства] образ обнимает жизнь, а не ищет зрителя» (Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1983. С. 223).

Фольклористика может вздохнуть свободно: исчезнувший было человек с интеллектуальной победой возвращается в свои чертоги.

Совокупная мощь всего пучка адресованностей, равно коммуникативных и некоммуникативных, удесятеряет его творческие силы.

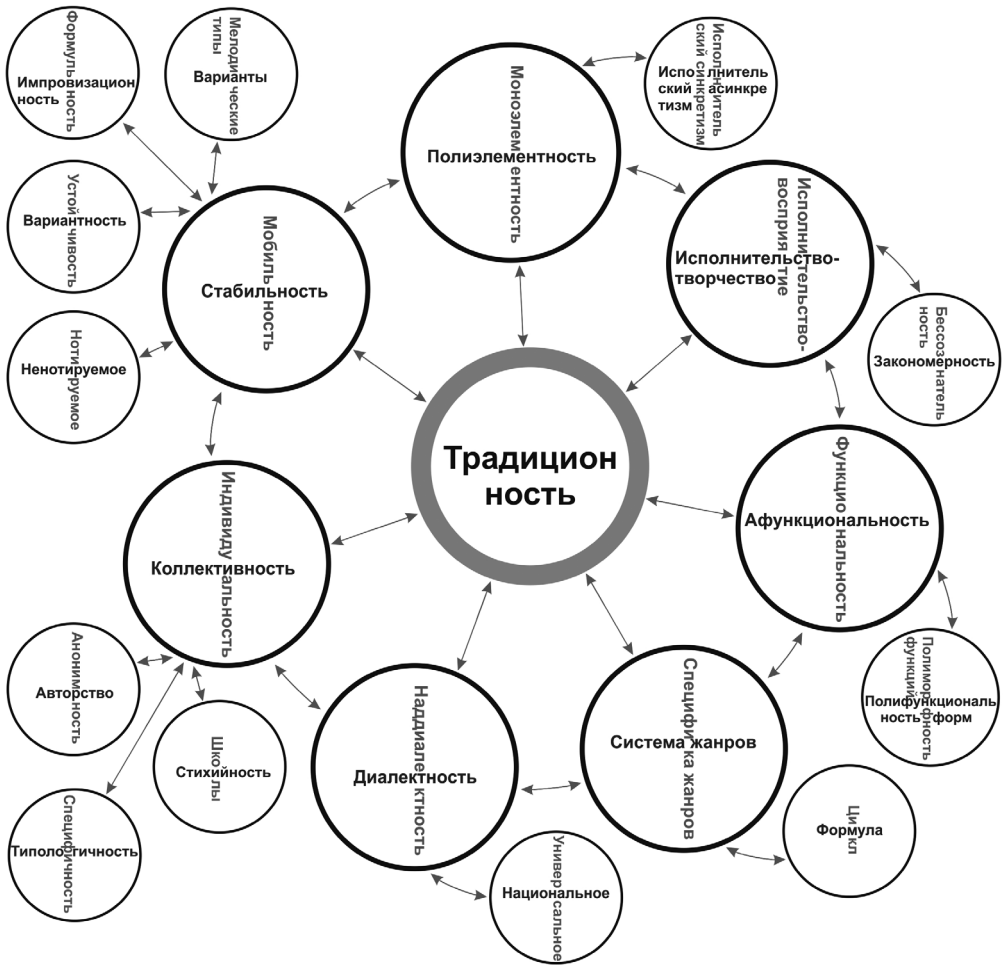
Уверен: предлагаемая *концепция фольклора как ансамбля адресованностей*, одни из которых, названные *finis sui*, *самоадресуются*, как бы не нуждаясь в человеке, и, в известной мере, ему не подвластные, – эта концепция открывает новые перспективы в осмыслении фольклорной традиции.

В заключение позволю себе высказать дерзкую мысль о том, что *парадокс Путилова* относится не только к природе фольклора.

Любое произведение искусства – если оно действительно художественное произведение – обладает своим *finis sui* – *самоцельностью*, иначе говоря, *самоадресованностью*, и, как таковое, как бы ни в ком не нуждается. Но вся суть художественных адресованностей заключена в том, что процесс реализации самоадресованности моментально включает в себя параллельный процесс возникновения других адресованностей, реально реальных или реально имагинативных адресованностей *вовне*. Они отприродно неразлучны. **Адресованность заложена в искусстве независимо от фактического наличия адресата.**

Эти адресованности, существующие всегда во множественном числе, направлены прежде всего к человеку – скажем, к действительно присутствующему или потенциальному слушателю, к *потребителю* (ужасное слово!), к социуму, к соответствующей данному жанру среде, но не только – они направлены и по неизвестным адресам («нам не дано предугадать, как наше слово отзовется») – например, в то, что я называю *мелосферой*, – направлены, метафорически говоря, чуть ли не во все стороны света. Ибо песня не спит. Никогда не спит. Вовлечен в ее бодрствование человек или нет. **Адресаты открыты, адресованность остается.** И все это эстетическое пиршество людей искусства, так или иначе активно сконцентрированных вокруг рассматриваемого момента художественного творчества, становится возможным благодаря его основному закону, а именно: внутренние (самоцельные, автономные) и внешние (поливекторные) адресованности произведения искусства *всегда* сопутствуют друг другу, *всегда* сосуществуют в некоем ансамбле, не отрицая друг друга, но дополняя.

Если я прав, то тем самым парадокс Путилова не только объясняется, но и снимается. Скажу больше: пытаюсь разрешить его, мы получили один из абсолютных законов любого из искусств.

Илл. 1. Система взаимосвязанных коррелятивных пар признаков фольклора

Литература

Земцовский И. И. Волшебная скрипка Шагала // Музыкальная академия. 2015. № 3. С. 34–40.

Земцовский И. И. Героический эпос жизни и творчества Бориса Николаевича Путилова. СПб., 2005.

Земцовский И. И. Народная музыка и современность: К проблеме определения фольклора // Современность и фольклор. М., 1977. С. 28–75.

Земцовский И. И. Существует ли изоморфизм традиций? Художник и народ: Новый взгляд на старую проблему // Арт (Лад). 2008. № 3. С. 124–137.

Иванова Т. Г. Глава 6: «Русская школа»: изучение индивидуальности сказителя // Иванова Т. Г. История русской фольклористики. XX век. 1900 – первая половина 1941. СПб., 2009. С. 186–192.

Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961.

Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1983.

Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. Лекции. СПб., 2006.

Чистов К. В. Личность в фольклоре: Исполнитель, мастер, собиратель, исследователь: Сборник научных статей. М., 2008.

Чистов К. В. Мастер в народной художественной культуре Русского Севера (вступительное слово) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера; Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 7–15.

Чистов К. В. Проблема исполнителя в русской фольклористике XIX–XX веков // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 144–154.